

Вниманию читателя предлагается публикация речи, которую Дж. Ст. Милль произнес в Британском парламенте 21 апреля 1868 г. на дебатах по проблеме смертной казни. Речь Милля была ответом на выступление Чарльза Гилпина¹ — члена Палаты общин от округа Нортampton, который выдвинул ходатайство о внесении в Закон о тюрьмах поправки, запрещающей наказание в виде смертной казни.

Основание для выдвижения данного ходатайства Гилпин сформулировал следующим образом: «Смертная казнь не является целесообразной и необходимой, она не служит тем целям, ради которых учреждена, по самой своей сути она несправедлива, нередко приводит к уничтожению невинной человеческой жизни и далее — она позволяет избежать наказания виновным в жесточайших преступлениях»². На вопрос о том, будет ли Гилпин настаивать на своем ходатайстве, принимая во внимание факт увеличения числа убийств, в том числе и с беспрецедентными для того времени отягчающими обстоятельствами, Гилпин ответил: «Да, я выдвигаю ходатайство, поскольку если мой принцип является правильным в отношении чего-либо, он правилен в любое время и при любых обстоятельствах»³. Гилпин счел необходимым подчеркнуть, что выдвижение ходатайства отнюдь не мотивировано сочувствием к преступникам, которого он не испытывает, оно мотивировано стремлением заставить задуматься над единственно важным вопросом о том, какие меры реально помогут остановить убийства⁴.

В аргументации Гилпина против смертной казни два положения являются ключевыми — о несправедливости данного вида наказания и о его неэффективности. Из контекста рассуждения Гилпина понятно, что, как и Милль, назначение наказания он видел прежде всего в справедливом возмездии, в сдерживании преступности в ее наиболее тяжких формах, в обеспечении безопасности общества, в противостоянии общества злу в его крайних проявлениях. Так вот, по глубокому убеждению Гилпина, ни одну из этих функций смертная казнь не выполняет. А раз не выполняет, значит и не является необходимой и оправданной.

---

* Предисловие и публикация подготовлены в рамках исследования, поддержанного РГНФ. Грант № 08-03-00179а.

¹ Чарльз Гилпин (Gilpin) (1815–1874) известен как политик, активно выступавший за отмену смертной казни и основавший в 1846 г. Общество за отмену смертной казни.

² The Hon. Mr. Gilpin Speech Against Capital Punishment // Erosky G., ed. *Philosophical Perspectives on Punishment*. Albany, 1972. P. 262.

³ Ibid. P. 263.

⁴ См.: Ibid.

Прежде всего, с точки зрения Гилпина, смертная казнь не является справедливым возмездием. Несправедливость смертной казни как таковой он видел в архаичности принципа справедливости, лежащего в ее основе, который представляет собой ничто иное, как принцип талиона, или, для Гилпина, принцип мести, и который, по его мнению, исторически и культурно исчерпал себя. Однако основные аргументы против смертной казни как наказания Гилпин связывает скорее не с несправедливостью смертной казни как таковой, а с несправедливой практикой ее применения. Это проявляется, в частности, в том, что в практике применения смертной казни нарушается соразмерность возмездия, поскольку смертная казнь назначается за совершенно разные по своей природе преступления – за умышленные, совершенные с особой жестокостью убийства, и за убийства по неосторожности или в целях самообороны. В качестве примеров Гилпин привел, в частности, знаменитый в то время случай четы Маннингов, совершивших умышленное жестокое убийство бывшего любовника миссис Маннинг, и не менее известный случай Сэмюэла Райта, который совершил убийство, обороняясь от напавшей на него, когда он спал, обезумевшей сожительницы. В обоих случаях был вынесен и приведен в исполнение смертный приговор.

Следует отметить, что данный аргумент Гилпина против смертной казни вряд ли можно считать сильным. Такого рода несправедливость в применении наказания может быть преодолена посредством усовершенствования законодательства – дифференцированной квалификацией разных преступлений и определением в точном соответствии с данной квалификацией меры наказаний, установлением четких конкретных критериев особо тяжких преступлений, за совершение которых назначалась бы смертная казнь. Отвечая Гилпину, Милль говорит о необходимости применения смертной казни исключительно в случаях жесточайших умышленных убийств с отягчающими обстоятельствами при условии неопровержимого доказательства вины преступника, а также при условии того, что во всей предшествующей совершению преступления жизни преступника нельзя было обнаружить ни одного свидетельства в пользу того, что совершение данного преступления является для него случайным. В таких случаях, по мнению Милля, приговор к смертной казни не просто навсегда ограждает общество от опасного для него преступника, но и является по существу актом признания несовместимости его деяний со званием человека. Милль говорил о том, что смертный приговор вычеркивает такого преступника не просто из списка живущих, но и из человеческого сообщества.

Другой же аргумент Гилпина против смертной казни является безусловно решающим и едва ли преодолимым не только во времена Гилпина и Милля, но и сейчас, да и вообще когда-либо. Он состоит в неискоренимой возможности ошибки, в результате которой необратимое наказание может быть применено к невиновным. Гилпин приводит данные, согласно которым по крайней мере раз в три года в Соединенном Королевстве смертной казни подвергался один человек, полная невиновность которого была впоследствии неопровержимо доказана. Если в случае ошибки при назначении других наказаний ее всегда можно исправить и компенсировать причиненный несправедливо обвиненному ущерб, то в случае применения необратимых наказаний ошибку исправить уже нельзя.

Неискоренимая возможность ошибки оказывается также, как показывает Гилпин, причиной несправедливости иного рода, нежели наказание невиновного, а именно – причиной оправдания несомненного преступника. Поскольку и судьи, и присяжные заседатели опасались совершить ошибку при назначении смертной казни, они делали все от них зависящее, чтобы избежать вынесения смертного приговора. В XIX в. достаточным основанием для оправдания преступника было признание его невменяемым, в то время как четкие критерии невменяемости отсутствовали, и этим охотно пользовались и судьи, и присяжные заседатели. Признанным невменяемыми многим преступникам, действительно совершившим тяжкие преступления, удавалось полностью избежать наказания. Оказавшись на свободе, они совершали новые преступления. Гилпин считал, что если бы смертная казнь была отменена и за совершенные этими преступниками деяния было бы предусмотрено другое наказание, то судьи и присяжные без колебаний назначали бы его, справедливость не была бы нарушена и преступники, будучи наказанными и изолированными от общества, не имели бы возможности совершать новых преступлений.

Милль не мог не признавать силу данного аргумента. Он пытался указать на меры, которые могли бы свести возможность судебной ошибки к минимуму. Однако совершенно очевидно, что, если такая возможность существует, вне зависимости от того, сто невинных или один могут пострадать в результате ошибки, убедительная сила этого аргумента остается неизменной.

Неэффективность наказания смертной казнью Гилпин усматривал в том, что применение смертной казни не сдерживает роста преступности. Он заметил, что рост числа жесточайших преступлений, совершенных при отягчающих обстоятельствах, произошел именно

тогда, когда наказание смертной казнью активно применялось. И, напротив, как только в отношении целого ряда преступлений смертная казнь была отменена, таких преступлений становилось меньше, к тому же ослабевала жестокость, с которой они были совершены. Гилпин не приводит конкретных данных, подтверждающих его высказывания, полагая, что статистика всем известна.

Высказываясь об эффективности смертной казни как наказания, Милль вроде бы вполне здраво отвечал, что о ней следует судить по силе ее воздействия не на закоренелых преступников, а на тех, в ком лишь зреет порыв к преступлению. Он совершенно справедливо указал на то, что мы не можем знать, скольких из этих, пока невинных, факт наличия смертной казни в законодательстве удержал от совершения преступлений. Однако ни одно из проведенных до сегодняшнего дня многочисленных исследований не свидетельствует о том, что наличие или отсутствие в законодательстве смертной казни влияет каким-то образом на количество совершенных тяжких преступлений. Так что никаких достоверных выводов о том, что смертная казнь реально сдерживает преступность, сделать нельзя.

Для обоснования необходимости отмены смертной казни Гилпин привел еще один аргумент, который и сегодня активно используется сторонниками отмены высшей меры наказания. Этот аргумент основан на признании святости, или безусловной ценности, человеческой жизни. Гилпин полагал, что уважение к человеческой жизни невозможно воспитывать посредством демонстрации того, насколько просто ее отнять. Утверждению ценности человеческой жизни, по его мнению, может способствовать, в частности, публичный отказ государства проливать человеческую кровь и предоставить даже закоренелому преступнику право раскаяться и примириться с Богом.

Милль решительно не соглашался с данным аргументом. Он считал, что смертная казнь за особо жестокие убийства не противоречит уважению к человеческой жизни, как назначение штрафа не противоречит уважению к частной собственности, а заключение в тюрьму — уважению к личной свободе. Наличие закона, по которому жестокий убийца лишается жизни, по убеждению Милля, как раз свидетельствует о глубоком уважении к человеческой жизни, о том, что государство берет на себя ответственность за защиту жизни своих граждан, а также о том, что государство признает невозможность считать своим гражданином и вычеркивает из списка своих сограждан того, кто умышленно с особой жестокостью убивает человека.

Следует отметить, что аргумент, основанный на признании святости человеческой жизни, и в современных дискуссиях о допустимости смертной казни нередко оказывается двусмысленным. При-

чина этого состоит в том, что, взывая к ценности человеческой жизни, в том числе и к ценности жизни убийцы, как правило, о жертве этого убийцы и о ценности его жизни никто не вспоминает. Создается впечатление, что сторонники смертной оказываются на стороне жертвы, а противники — на стороне преступника. Возможно, такого рода двусмысленности можно было бы избежать, если бы рассуждение о недопустимости смертной казни в отношении убийц, основанное на признании безусловной ценности человеческой жизни, исходило бы прежде всего из признания того, что жертвы преступления не в меньшей степени заслуживают признания безусловной ценности их жизни и исключительное преступление против них, тем более совершенное с особой жестокостью, является не вызывающим сомнения абсолютным злом. Ответственная позиция противников смертной казни должна включать и понимание того, каким образом следует отвечать на такое абсолютное зло, каким должно быть справедливое наказание, адекватное совершенному деянию, демонстрирующее признание ценности не только жизни убийцы, но и его жертвы.

Гилпин в своей речи на эти вопросы не ответил, хотя и поставил их перед собой в самом начале выступления. Его общий вывод состоял в том, что законодателям следует думать о создании новой системы наказаний, которая бы основывалась на совершенно иных принципах, нежели принцип талиона, исключала бы смертную казнь и была бы действительно эффективной в противостоянии преступности и в обеспечении безопасности общества.

Предложение Милля было противоположного рода — он предлагал усилить наказания за все виды правонарушений, исключая правонарушения против собственности, и сохранить в уголовном законе смертную казнь. Следует заметить, что в Соединенном Королевстве в XIX в., а особенно в Лондоне, совершалось множество самых жесточайших убийств⁵ и уличенные в них преступники не выражали

---

⁵ Об этом писал, в частности, известный английский писатель и критик П. Акرويد, заметивший, что «...Лондон и убийство неразрывно связаны». Истории лондонский преступлений как неотъемлемой части жизни города Акرويد посвятил целый раздел своей знаменитой книги «Лондон» (см.: *Акرويد П.* Лондон: Биография. М., 2005. С. 287–350). В этом разделе Акرويد описывает различные формы, которые принимало убийство в Лондоне. В начале XIX в. популярным было перерезание горла и удар дубинкой по голове, в конце того же века среди преступлений стали преобладать отравления и убийства с нанесением жестоких увечий, в частности топором (см.: Там же. С. 314).

ни малейшего раскаяния в содеянном⁶. Жесткая позиция Милля во многом определялась именно этими фактами. Как уже говорилось выше, Милль был ошибочно убежден в сдерживающей силе смертной казни. Ошибочно — по крайней мере в свете всех современных исследований. Позиция Милля была бы более твердой, если бы он мог показать, что для ряда особо тяжких преступлений смертная казнь является единственно адекватным, соразмерным, а значит, справедливым наказанием. Однако и в этом случае непреодолимым аргументом против применения смертной казни является возможность судебной ошибки, а также злоупотреблений, в том числе и со стороны государства. Данный аргумент против смертной казни не является единственным. Ни Гилпин, ни Милль не видели никакой моральной проблемы, связанной с возложением на палача функции исполнения наказания. Данная проблема не решается и в современных условиях, когда причинение смерти приговоренному может быть осуществлено опосредованно.

Думается, по крайней мере два вышеназванных аргумента против смертной казни являются непреодолимыми. Адекватной реакцией на исключительные по своей тяжести преступления должна быть прежде всего неотвратимость наказания. Однако, как показывает в том числе дискуссия Гилпина и Милля, отказ от смертной казни — это лишь начало. И если мы признаем такую меру наказания даже в отношении исключительных по своей тяжести преступлений — таких, как убийства детей, серийные, наемные убийства, террористические акты, — недопустимой, то следующим же шагом мы должны ответить на вопрос о том, в каких формах обществу и государству следует выражать свое отношение к такого рода преступлениям. В противном случае нашу позицию можно будет считать возвышенной, но вряд ли ответственной.

О.В. Артемьева

---

⁶ Среди прочих примеров Акройд приводит случай Энн Мадд, которую обвинили в убийстве мужа: «Ну и что, — сказала она, — я ударила его ножом в спину просто смеха ради». Свои последние часы она провела, распевая непристойные песенки в камере для осужденных» (*Акройд П. Указ. соч. С. 320*).